

***

Следующим перед становым предстал низкорослый старик из местных народностей, с лицом загорелым и сморщенным как печеное яблоко. На голове его красовалась шапка с выцветшей вышивкой, волосы были заплетены в тугую узкую косичку, изгибавшуюся вроде проволоки. На плечах лежали вытертые желто-бурые шкурки с облезлыми хвостиками, на ногах красовались оленьи сапоги, тоже с вышивкой и бусинами.

— Ботул наше имя. Мы охотники, белку стреляли, соболя. Следы искать, тайга знать как свой дом. Хорошо знать. Хорошо стрелять.

Становой критически оглядел пожилого новобранца, флегматично заметил:

— Уж больно ты ветхий!

Старый Ботул моргнул раскосыми глазами, но не смутился. Распрямив неширокие плечи, кивнул. Показал на дерево, где чирикала мелкая пичуга.

— Гляди туда, начальник.

Поднял свое старенькое потертое ружьецо, прицелился. Бахнул. Птица упала с дерева замертво.

Среди остальных наемников поднялись одобрителный гул, радостные возгласы. Ботул приосанился, скривил морщинистые губы в самодовольной улыбке. Становой посмотрел на него подозрительно и неприязненно. «Все эти тунгусы на одно лицо

и сущие разбойники-душегубы, и стар и млад», — подумал он. Снова сдвинул брови, внушительно пробасил:

— А ты часом не тунгус будешь?

Старый Ботул медленно и гордо сообщил:

— Нет. Удэге мы, другой народ.

Пока становой допрашивал старого удэга, Булыгин прохаживался между наемниками.

Их стало меньше, нескольких забраковал Долецкий, двое пьяных сами ушли, видимо, испугавшись допроса.

Булыгин с презрением смотрел на разбойничий сброд. Ему нужны были сильные и выносливые, готовые на все, но подчиненные ему головорезы. «Где же вы, мои конкистадоры “без жалости и страха”?» — думал Булыгин, озираясь вокруг.

Рядом с управой, привалившись к какому-то сараю, дремал здоровенный детина, накрыв голову стетсоновской шляпой. Широкие плечи парня выпирали из-под косматой собачьей шубы. Поношенные ковбойские сапоги и вытертые синие штаны выдавали в нем выходца из Америки. Булыгин пнул его ногой по сапогу.

Тот нехотя сдвинул шляпу с глаз, посмотрел на заводчика пустым равнодушным взглядом.

— Кто таков? Не видал тебя в здешних местах.

Невесть откуда взявшийся рядом Долецкий быстро пояснил на ухо Булыгину, обнаруживая изрядную осведомленность в здешних делах.

— Американец. Солдат удачи, можно так сказать. Прибыл во Владивосток на китобойном судне. А в наших местах золотишко мыл незаконно, за что был оштрафован. Без денег сидит, прожился весь.

Здоровяк между тем поднялся на ноги, с хрустом потянулся, оскалил крупные прокуренные зубы. Сунул широкую ладонь, прищурив светлые глаза.

— Джек Нортон. Хэлло.

Булыгин обеими руками потряс грязноватую ладонь американца, восхищенно оглядывая великана.

— Хелло, Джек! Нью-Йорк, Калифорния! Американцев я уважаю! Нам у них учиться надо. Делать бизнес — окей! Прогресс! Каждый за себя!

Булыгин сам представил Джека становому:

— Пиши: Джек-Китобой.

Становой скептически оглядел американца, показал, где нужно расписаться. Снова громко высморкался в клетчатый платок. С сомнением спросил Булыгина про Китобоя.

— А по-русски-то он понимает? Или толмач нужен, переводчик то есть?

Булыгин радостно обнял Джека за плечи.

— Ничего, найдем общий язык. Так ведь, Джек?

Джек-Китобой ослабил, сдвинул стетсон на затылок и снисходительно посмотрел на окружающих. Поднял и показал ствол своей хорошей винтовки. Затем, покосившись на натертую до блеска

бляху с номером на груди станового, приподнял бровь и снова надвинул стетсон на лоб. Глядя становому в глаза, проговорил по-русски — с сильным акцентом, но внятно:

— Йес. Вот мой переводчик, — и с нежностью погладил винтовку.

К столу между тем подошел китаец с обветренным решительным лицом. Встал и ударил себя в грудь. Он был худым, но жилистым и мускулистым. Становой посмотрел на него с любопытством. Одет китаец был не то что бедно, но весь в чем-то буро-сером, словно чтобы не бросаться в глаза. Но нынче выступал перед становым энергично — темные раскосые глаза посверкивали из-под век, широкие губы потемнели от прилившей крови. Небольшие крепкие кулаки были сжаты, ноги притоптывали по примятой траве. А левый ичиг, гляди-ка, каши просит, пошел по шву...

— Моя китаец. Чан Фын. Товар купец возить. Моя ходит охрана, разбойник стрелять, харашо, моя Чан Фын. Харашо.

Становой посмотрел на меч у пояса китайца. Нахмурился.

— Это у тебя сабля что ли?

Чан Фын разжал смуглый кулак, осторожно коснулся рукояти меча.

— Дао. Меч воина.

Тут под общие одобрительные возгласы китаец вынул меч из ножен, взмахнул и срубил головки полыни в один миг.

Становой записал в конторскую книгу имя. Китаец расписался затейливым иероглифом.

Затем к столу станowego, уставшего от разнообразия чужих, подошел свой, русский мужик — борода, армяк, топорик за поясом, смазные сапоги да баранья шапка. Назвался Евграфом.

— Плотник я, Евграф. Тоже в отряд.

Становой обмакнул перо в чернильницу.

— Плотник? Тут, вишь, с винтовками да с мечами-ножами...

Евграф усмехнулся:

— А мы по старине, топориком.

Тут как раз бабочка желтая возьми да и присядь на стену сарая возле дома управы, там, где давеча американец прохлаждался. Евграф метнул топор и прибил бабочку к стене. Даже старый дымчатый кот, до того лежавший на крыше невозмутимым сфинксом, прыгнул наземь. А уж наемники сбегались посмотреть на такое чудо, весело переругиваясь.

Булыгин еще раз осмотрел новоприбывших добровольцев. Коротко бросил приказ Долецкому:

— Покуда всех разместить и накормить. Завтра утром выступаем.

Спустилась ночь.

Наемников разместили в сенном сарае, они лежали кто на лавке, кто на сене, а кто на воздухе, глядя на звезды. Чагин украдкой изучал лица людей, с которыми ему предстояло отправиться в опасное и, возможно, безрезультатное путешествие.

Грузный Хвороба точил лезвие дармового ножа, все ощупывая на груди кошель с деньгами.

Жилистый Чан Фын подшивал кожаный ичиг. Видно, думал: «Эх, незадача, шов разошелся на глазах у всех при составлении контракта». Похоже, китаец печалился, что уронил свое достоинство, и все щипал себя за ухо.

Джек-Китобой, глотнув чего-то крепкого из своей фляги, ворочался на лавке, накрывшись собачьей шубой. Тоже, наверное, тревожится в компании чужих по языку и обычаю людей, но играет роль — мол, все ему нипочем.

Плотник Евграф, насупившись, слушал неторопливую речь удэга Ботула. Тот, покуривая глиняную трубочку, рассказывал про небывалое.

— Тунгусы большой народ. Боги их разделили на племена, чтобы они друг с другом воевали. Мы, удэге, тоже молимся духам предков, но только мужчинам. У тунгусов есть духи-женщины. Главный в племени — шаман, который с духами говорит.

Чагин задремал под ровный ритм рассказа о сказочном мире. Дымчатый кот свернулся у него в ногах.

— Если в племени белый шаман, ему помогают только боги верхнего мира, он может просить только добрые вещи. А если в племени черный шаман, он самый могучий, он говорит с темной силой и может насылать проклятье и смерть.

Погружаясь в сон, Чагин вспомнил костер, шамана, себя, распятого на нартах.

Хотелось думать о чем-то хорошем, и он вспомнил своего пса Грома, которого оставил с тунгусами. Как ты, Гром, жив ли? Узнаешь ли меня, если встретишь?

Вдруг вспоминалось и румяное лицо молодой тунгуски. Представилось, как она зовет, манит его в чашу. «Придешь, когда снег вода будет», — звучали в голове ее слова.

Ботул, а может другой чей-то голос все бормотал:

— У белых шаманов дух-покровитель — медведь. А у черных шаманов дух — ворон. Ворон сильнее медведя, сильнее всех других животных. За ним стоит сила смерти.

Чагин улыбнулся во сне, ему показалось, что глаза ему закрывает маленькая теплая рука.

— Тунгусы хорошие воины. Но очень уж верят в помощь богов. Если убьют их шамана, племя тоже примет смерть. Потому что решат, что боги от них отвернулись.

Глава девятая

ЗЕМЛЯ ЭВЕНКОВ

Everett Collection / shutterstock.com

Природа Амурского края хороша всегда, но той весной особенно было приятно Чагину видеть пробуждающийся лес, вдыхать его запахи, слушать неспешный гул воды. Течение реки Умальты проходило меж скалистых берегов, странными своими очертаниями схожими с облаками в небе. Вековые сосны темнели по обоим берегам дружным непобедимым воинством. В мае на берегах появлялись первые цветы, скромные созвездия земной тверди, отражения Млечного Пути тверди небесной.

Красота тайги поневоле волновала некоторых из охотников, высадившихся на берег из лодки. И старый Ботул, и китаец, и сам Булыгин оглядывались с бодрым, приподнятым чувством. Видно было, что Хворобу, непривычного к лесу, природа пугает своей первозданной мощью, а Джека и Евграфа оставляет равнодушными. Разгадать мысли офицера Долецкого у Чагина пока не выходило — вроде улыбчивый, обходительный, но есть в нем какая-то червоточина, будто надел чужую личину.

Забрав из лодок оружие и наплечные мешки, наемники встали на едва видную тропу, ведущую к стойбищу тунгусов.

Чагин оглянулся назад, на водную гладь Умальты. Резко плеснула вода у корней старой сосны, откуда отчалили, уходя обратно в Софийск, опустевшие лодки. Они должны были прибыть за отрядом на то же место спустя две недели.

Сороки взлетели с окрестных деревьев, предупреждая криком о появлении чужих. Хрустнули корни, по которым шагали тяжелые люди.

Первым шел Ботул со своей старенькой винтовкой на плече, подмечая любое движение и отыскивая дорогу; за ним — сам Чагин, тоже опытный проводник. Долецкий двигался пружинистой офицерской походкой, как на марше, следом беззвучно крался в сбитых сапожках Чан Фын, пристегнувший к поясу свой меч. Светлоглазый Джек волочил длинные ноги, флегматично жевал листовой табак из жестяной банки, иногда с размаху пинал встреченные муравейники ковбойскими сапогами, не особо-то годными для долгой ходьбы по лесу. Хвороба, отбиваясь от мошки, то и дело озирался, боясь то ли отстать, то ли увидеть в лесу какое-то страшное диво. Булыгин, расстегнув свою английскую куртку с капюшоном и множеством карманов, сверялся с компасом в золотом циферблате. Замыкал отряд бородатый Евграф с топориком за поясом, ему Булыгин почему-то доверял больше других.

Девятый прибавился к ним на переправе — великовозрастный балбес Матвейка, губастый и ру-

мяный пасынок лодочника, тащил поклажу: двухнедельный запас пороха, крупы, масла и консервов. Матвейку Булыгин нанял на причале, лодочник поклонился:

— Ваше степенство, парень он глупый, но сильный и послушный. Мешки поднесет, кашу сварит. Авось вас не объест, а нам со старухой полегче. Доплати, сколько не жалко.

Булыгин засмеялся, добавил рубль перевозчику и взял Матвейку с собой.

К полудню они ступили в болотистую местность, где их лица и руки облепил таежный гнус.

Булыгин, чертыхаясь, прыскал на себя кельнской водой, Долецкий развернул нитяную сетку и завесил лицо, как дама вуалью. Остальные отбивались от тучи гнуса ветками, пока Чан Фын не достал какое-то снадобье в стеклянном флаконе.

— Вот так сюда, — показал, как смазать шею.

И правда, гнус отстал, и даже комары отлетали от резкого запаха китайской мази.

За болотом открылась прекрасная поляна, усыпанная цветами бледно-розового лотоса.

Охотники приободрились.

Закурив сигару, Булыгин снял с травинки толстую зеленую гусеницу. Обоими пальцами поднес к носу китайца.

— Чан Фын, ты червей ешь?

Китаец кивнул, не выказывая обиды.